

ГРОЗА С ВОСТОКА.

В письме к матери от 4 декабря 1900 года из Ташкента М. Волошин спрашивает: «Читали ли Вы в сентябрьской книжке “Вестника Европы” письмо Влад. Соловьёва в редакцию “по поводу последних событий”? Прочтите, оно очень кратко, но производит сильное впечатление» [9, с. 443].

В следующем письме Волошин возвращается к своему вопросу, а 11 декабря в письме А.М. Петровой приводит многочисленные выписки из Вл. Соловьёва, в том числе из “Вестника Европы”, о том, что «теперь в истории человечества совершается перелом гораздо более великий, чем французская революция, что с этого года начинается какой-то новый период в истории человечества. <...> в “Вестнике Европы” ... он говорит это же самое теми же словами, которые употребляли мы в нашем разговоре».

Поскольку поднятые Вл. Соловьёвым вопросы перекликаются с его собственными эсхатологическими интуициями, М. Волошин в этом письме продолжает волнующую тему и задумывается над тем важнейшим вопросом о культурно-исторической относительности европейской цивилизации, который потом сформулирует в большинстве своих автобиографий: «Кто же прав из нас? Кто ближе к идеалу – мы ли, которые ставим в основу своей культуры бесконечное увеличение потребностей, или они, которые стараются уменьшить их до самого неизбежного? А ведь здесь, в этой основе, все различие и вся будущая и прошедшая история». В этих размышлениях прообраз лейтмотива поэмы «Путями Каина», написанной спустя двадцатилетие, где М. Волошин живописует трагедию материальной культуры в рамках историсофского сюжета, совпадающего с соловьёвской критикой позитивизма и представлениями символистов, в особенности А. Блока и А. Белого, о различии культуры и цивилизации.

По М. Волошину, исторический процесс оказывается лишенным смысла и катастрофичным, когда цивилизация пытается осуществить развитие материальной культуры потребления и науки, отказываясь от духа ради одного лишь «вульгарного» физического комфорта индивида, т.е. в ущерб его изначальной духовной составляющей. В этом смысле М. Волошин развивает провидческие темы Вл. Соловьёва о современном человеке, с которыми вплотную столкнулась европейская «потребительская цивилизация», где «Машина научила человека ... здраво рассуждать. / Она ему наглядно доказала, / Что духа нет, а есть лишь вещество, / Что человек такая же машина... / Что идеал – благополучие и сытость...» («Путями Каина»).

Несомненно влияние этих идей философа и визионера Вл. Соловьёва на становление Волошина: будущего киммерийского мифотворца, поэта-провидца Великой Войны, революции и гражданской смуты. Отметим здесь, что в конце творческого пути у Соловьёва предчувствие прихода Антихриста и близкого “конца истории” становится основным экзистенциальным ощущением. Для философа и его последователей казалось очевидным, что чаемое ими становление нового типа человека неизбежно должно было сопровождаться кризисом старого мира и Великими революциями.

С начала XX века темой жизнотворчества наследующих идеи Вл. Соловьёва символистов и М. Волошина становятся искания такого «нового человека», перекликалась с мистическим опытом пробуждения «внутреннего человека» в восточно-христианской мистике исихазма и исканиями просветителей-розенкрейцеров круга Н.И. Новикова¹. «Со страхом и серьезностью надо принять испытание мировой войны, как первое веяние другой войны, космической, которая еще только начинается, а задача которой явить образ “нового человека”», - так описал эти чаяния Андрей Белый. В испытаниях разрушающейся России им грезилось пришествие чего-то нового и великого. Но вместо обновленного в Духе царства Третьего завета пришел кровавый террор сталинизма, стеревший не только уничтоживший целое поколение представителей русской культуры Серебряного века, но и на многие десятилетия предавший забвению даже самые смыслы их жизни: мысли, идеи и чаяния о судьбе России, которые лишь ныне медленно вновь становятся достоянием нашего общества.

Так, смысл оказавшего столь сильное впечатление на Волошина «Письма» Вл. Соловьёва состоял в призыве России и Европы к сплочению необходимому преображению перед угрозой их полного уничтожения, идущей с Востока. В июня 1900 года Вл. Соловьёв пишет стихотворение «Дракон. Зигфриду» по поводу решения императора Вильгельма II («Зигфрида») о посылке войск для подавления восстания в Китае. В связи с этим решением, Вильгельм видится Соловьёвым продолжателем традиций крестовых походов: «Наследник меченосной рати! / Ты верен знамени креста...».

О проблематике угрозы с Востока в работах Вл. Соловьёва последнего десятилетия его жизни – недавно появилась интересная статья Дани Савелли «Дракон, Гидра и Рыцарь» (Новый мир, 1996, No 2, с.187-190), фрагмент из которой мы приведем далее для характеристики волошинского пророчества:

***

В 1890 году в статье “Китай и Европа” Вл. Соловьёв неявно и вместе с тем достаточно определенно сблизил между собой Поднебесную империю и Францию, тем самым отделив последнюю от всей остальной Европы. При этом он отталкивался от двух событий, происшедших годом раньше: первое, реальное, — празднества в Париже по случаю столетия революции 1789

года; второе, гипотетическое, — решение китайского правительства начать модернизацию страны на западный манер. Связать эти два события можно было только при наличии ярчайшей доминантной идеи, без труда вбирающей в себя самый разнородный материал.

Соловьев вспоминает, как в 1889 году, в Париже, он присутствовал на заседании Географического общества, где китайский военный агент (атташе) Чен Китонг, блистая остроумием, “на чистейшем парижском говоре” произнес речь, встреченную бурными рукоплесканиями публики.

Между тем, в своей вызвавшей овацию речи этот обаятельный генерал в шелковом халате, оказавшийся вдобавок корреспондентом французского “*Revue des deux Mondes*”, предсказал не что иное, как будущее завоевание Европы Китаем, усвоившим последние достижения западной науки и техники. Тем не менее его грозная речь была встречена аплодисментами. Очевидно, присутствующие восприняли все сказанное как прогноз настолько нереальный, что сама его фантастичность давала основание восхититься изящной дерзостью пекинского генерала.

Но Соловьев относится к его словам в высшей степени серьезно, реакция французов кажется ему легкомысленной. Ведь совсем недавно, напоминает он, всего пять лет назад, в 1884 году, китайцы нанесли поражение французским войскам в Тонкине, идет обновление китайского флота. По Соловьеву, даже такие ученые, как А. Ревиль, автор изданной в 1890 году в Париже книги “*Китайская религия*”, считавший Поднебесную империю очагом опаснейшей духовной инфекции и единственным препятствием для абсолютной европейской гегемонии в мире, недооценивают исходящую от этой страны потенциальную военную опасность.

Разумеется, объясняет Соловьев, с христианской точки зрения было бы безнравственно желать истребления целого народа, в данном случае — китайского, однако весьма желательно подорвать основы собственно “китаизма”, то есть тех принципов, которыми управляется вся жизнь китайцев и которые имеют следствием обособление Китая от остального мира.

Ссылаясь на работы французских синологов А. Ревилья, Ст. Жюльена и Ж.-П. Потье, немецких — Р. фон Пленкнера и И.-Г. Платта и русского — С. Георгиевского, Соловьев пытается охарактеризовать сущность “китаизма”. Мы узнаем, что китайская цивилизация не дала миру ни одного великого человека; что китайская литература представляет лишь исторический и этнографический интерес; что буддизм и даосизм основаны на нелепых идеалах; что конфуцианская философия “содержит только практическую житейскую мудрость *ad usum Sinenarium*, то есть, в сущности, проповедь умеренности и аккуратности, доходящую нередко до истин господина де-ля-Палисса”¹, и т. д.

Отсюда следует вывод, что основополагающий принцип, регулирующий жизнь китайцев, есть доведенный до крайности материализм, а его идеологический фундамент — культ прошлого.

Эти столь же резкие, сколь и поверхностные суждения о китайской культуре занимают девять глав “*Китая и Европы*”, и лишь в “*Заключении*” Соловьев говорит о понимании прогресса и об отношении к прошлому на Западе. С одной стороны, считает он, с 1789 года в Европе утвердилось ложная идея прогресса, в своем откровенном материализме противная духу христианства; с другой — “реакционное направление, само того не замечая, стало искать спасения для Европы в принципах китаизма, в безусловном культе прошедшего”², что может оказаться для западной цивилизации не менее пагубным, чем культ прогресса.

Последняя тенденция на государственном уровне в конце XIX века ярче всего была представлена Россией, о которой Соловьев умалчивает — видимо, по цензурным соображениям; первая — Францией, что парадоксальным образом не отдаляет ее от “недвижного Китая”, но, напротив, сближает с ним по принципу сближения крайностей. Франция, с ее давними антиклерикальными традициями, была для Соловьева самым слабым, самым уязвимым звеном христианской цивилизации, поэтому именно Франции он отводил роль будущего союзника китайцев при покорении ими Европы.

Гораздо определеннее о причинах такого противоестественного, казалось бы, альянса он скажет спустя десять лет в своей знаменитой “Краткой повести об антихристе”, где описывается нашествие азиатских полчищ на Запад.

Соловьев разрабатывает подробный сценарий этого апокалиптического вторжения. Ход событий следующий: Китай и Япония объединяются под властью японского принца на пекинском престоле; китайская армия, реорганизованная японскими инструкторами, включающая в себя орды монголов и тибетцев, уничтожает отчаянно сопротивляющиеся русские войска и выходит к рубежам Германии. Здесь, правда, богдыхан терпит первое поражение от немецких дивизий, но как раз в это время Франция, где после позора 1871 года “берет верх партия запоздалого реванша”, наносит вероломный удар в тыл немцам. Оказавшись “между молотом и наковальней”, Берлин капитулирует; “ликующие французы, братаясь с желтолицыми, рассыпаются по Германии и скоро теряют всякое представление о военной дисциплине”. В результате “ненужные более союзники” вырезаются “с китайской аккуратностью”, а тем временем в Париже начинается “восстание рабочих *sans patrie*” 3 и “столица западной культуры радостно отворяет ворота владыке Востока”.

Рис. с гравюры по сюжету императора Вильгельма II «Гроза с Востока», изображающий «желтую опасность» Описание рисунка приведено с статье Дани Савелли «Дракон, Гидра и Рыцарь» (Новый мир, 1996, No 2):

"Вскоре после окончания японо-китайской войны Вильгельм II совершенно в соловьевском духе напоминает своему петербургскому кузену о том, какую “великую роль должна играть Россия в деле насаждения культуры в Азии и в деле защиты креста и старой христианской европейской культуры против вторжения монголов и буддизма”.

Письмо датировано июлем 1895 года, а спустя два месяца, продолжая ту же пропагандистскую кампанию, кайзер посылает многим государственным деятелям и выдающимся личностям Европы, в том числе Николаю II, репродукцию картины, которая призвана служить наглядной иллюстрацией к его высказываниям последнего времени. Эту картину Вильгельм II представляет как свое собственное произведение (тоже штрих к его характеру!), хотя в

действительности ее автором был немецкий художник Кнакфусс, профессор Академии художеств в Касселе.

На картине изображена женская фигура в шлеме, символизирующая собой Германию, за ней теснятся аллегории других стран Европы, а перед ними, в вышине, — зловещий Будда, окруженный мрачными облаками. Подпись следующая: “Европейские народы, сохраните ваши самые драгоценные блага”. Тем самым политический конфликт на Дальнем Востоке переводится в принципиально иную плоскость и предстает как судьбоносное противостояние двух цивилизаций — христианской и буддийской.”

А.Л. Рычков.

---

i

Подробнее об этом см. работу автора: Рычков А.Л., Лотарева Д.Д., Халтурин Ю.Л. Младосимволисты как наследники гнозисных исканий круга Новикова / От Болотова к Новикову. Заметки об университетском сочинении А.А. Блока // Утренний свет Николая Новикова. М.: Центр книги Рудомино, 2012. С. 291-302.